

Александр Гарцев

Овертайм

18+

Александр Гарцев

Овертайм

<https://litres.ru/74352947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был звездой провинциального футбола. Она — актрисой местной филармонии. Их семья считалась образцовой, пока в один день не рухнуло всё: клуб обанкротился, карьера закончилась, а лучшие годы остались где-то на пыльном стадионе.

Виктор Коваленко потерял всё — команду, друзей, уважение. И жену.

Она ушла к богатому владельцу конюшни, дочь сбежала на Север, а сам он покатился на дно, запойно разбивая витрины и свою жизнь.

«Овертайм» писателя Александра Гарцева — это роман о мужчине, который потерял всё, но обрел самого себя.

Это история о любви, которая не умирает, о справедливости, которая восторжествует, и о семье, ради которой стоит бороться даже тогда, когда кажется, что силы иссякли.

Драма, триллер, любовь и футбол.

Содержание

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНИЙ СВИСТОК	4
ГЛАВА 2. ДОМ, В КОТОРОМ НЕТ ТЕПЛА	13
ГЛАВА 3. БЕЗ ГОЛА	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Гарцев

Овертайм

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНИЙ СВИСТОК

Сентябрь. Областной центр N. Стадион «Торпедо».

Осень ворвалась на стадион мокрым ветром и прелым запахом скошенной травы. Виктор стоял на краю штрафной, чувствуя, как мяч, зажатый под мышкой, оттягивает руку тяжестью последней надежды. За спиной гудели трибуны — пятнадцать тысяч человек, которые пришли смотреть, как умирает их команда.

Счет горел на табло: 1:1.

Восемьдесят девятая минута. Добавленных арбитром — три.

Виктор Коваленко, капитан, тридцатисемилетний ветеран, которому пророчили «Спартак» в двадцать пять, а теперь он доживал в областном «Торпедо» второй дивизион, смотрел на одинокую белую точку на одиннадцатиметровой отметке.

Там лежал мяч.

Пенальти. Его пенальти.

Судья показал на точку после того, как молодой защитник соперника снес его же, Виктора, в своей штрафной. И вот теперь вся игра, весь сезон, вся его карьера, сжавшаяся до размера футбольного мяча, лежала в мокрой траве.

Виктор поднял голову. Небо было серым, тяжелым, как бетонная плита. Свист с трибун стал оглушительным. Свистели свои. Свистели чужие. Свистели те, кто час назад скандировал его фамилию.

Он перевел взгляд на восточную трибуну. Там, в третьем ряду, сидела она.

Лида.

Она не свистела. Она вообще не смотрела на поле. Лидия Алексеевна смотрела в свой телефон, и даже на таком расстоянии Виктор видел, как неестественно сжаты ее тонкие пальцы на корпусе айфона. Она ждала. Ждала, когда это закончится. Когда он перестанет быть капитаном и станет просто мужем, который придет домой, — если, конечно, придет, а не поедет с командой обмывать очередное «героическое поражение».

— Коваленко! — рявкнул с бровки главный тренер. — Давай! Давай, мать твою!

Виктор кивнул, хотя тренер стоял метрах в двадцати и вряд ли видел этот кивок. Он положил мяч на точку. Кожаный шар был холодным и мокрым. Водяная пленка блестела под старыми, выцветшими софитами.

Он отошел на три шага. Ровно три. Столько он отходил

всегда. С детства, со двора, с тех пор, как отец сказал: «Три шага, сынок. Бог любит троицу».

Вратарь соперника, длинный парень в желтой майке, плясал на линии, размахивая руками, пытаясь сбить ритм. Виктор не смотрел на него. Он смотрел в нижний правый угол. Он всегда бил туда. Все знали, что он бьет туда. И он бил. Потому что, черт возьми, если ты капитан, ты обязан забивать в тот угол, куда считаешь нужным, даже если вратарь об этом знает.

Свисток.

Виктор разогнался.

Он ударил. Всей стопой. В ту самую точку, которую никто не называет «точкой Бекхэма», потому что это просто точка — нижний правый угол.

Мяч летел. Красиво. С подкруткой.

Вратарь прыгнул. Туда.

Туда, где был мяч. Туда, где Виктор всегда бил.

Ладонь перчатки коснулась кожи.

Тупой, мокрый звук, который хуже любого выстрела. Мяч отскочил от перчатки, шлепнулся в мокрую траву и покатился к угловому флажку. Судья дунул в свисток. Конец матча.

Ничья. Вылет.

Стадион взорвался свистом. Теперь свистели все. Пятнадцать тысяч человек свистели ему, Виктору Коваленко, человеку, который отдал этому городу двадцать лет. Свистели громко, пронзительно, требовали крови.

Виктор стоял на коленях в центре штрафной и смотрел на траву. Он думал о том, что трава здесь давно не стриженная, потому что денег на газонокосилку не выделяют уже три года. Он думал о том, как смешно звучит слово «вылет», когда тебе тридцать семь и ты даже не знаешь, куда лететь.

Он поднял голову. На восточную трибуну.

Лида уже ушла.

Стул, на котором она сидела, пустовал. Только недопитая пластиковая бутылка воды на подлокотнике, забытая в спешке. И какой-то мужик в клетчатой рубашке уже плюхнулся на это место, чтобы смотреть, как охранники выгоняют толпу.

Виктор встал. Медленно. С хрустом в коленях.

Подошел партнер, молодой, лет двадцать, с глазами, полными слез.

— Кап, прости, — сказал парень, и Виктор не сразу понял, что парень извиняется за то, что его сбили в штрафной, давая этому самому пенальти.

Виктор молча похлопал его по плечу. Сухим, неподвижным лицом.

Он пошел к раздевалке. Там было темно и пахло потом, кожей и безнадежностью. Ноги сами несли его. Он прошел мимо тренера, который стоял, прислонившись к косяку, и курил. Прошел мимо врача, который молча показывал на подушку с кислородом. Прошел мимо президента клуба, который стоял в конце коридора в своем дорогом, неуместном здесь пальто.

Президент Шарапов, грузный мужчина с лицом сытого чиновника, держал в руках планшет и смотрел на Виктора.

— Коваленко, — сказал он негромко. — Зайди.

Виктор остановился.

Руки сами сжались в кулаки.

— Я переоденусь сначала.

— Не надо, — президент махнул рукой, и в этом жесте было столько брезгливости, сколько не было в свисте всей трибуны. — Слушай сюда. Команды больше нет.

Виктор не понял. Он слышал слова, но они не складывались в смысл. Наверное, он ударился головой? Или это просто усталость?

— В каком смысле? — спросил он.

Шарапов вздохнул, как учитель, который объясняет отстающему ученику таблицу умножения.

— В прямом. Я уезжаю в Москву. Область снимает финансирование, спонсоры разбежались. Сегодня был последний матч. И ты... — он помедлил, — ты, Коваленко, сделал всё, чтобы этот вылет был максимально унижительным.

Виктор смотрел на него, и где-то внутри него, в том месте, где раньше жила ярость, сейчас была пустота.

— Вы не имеете права, — сказал Виктор. — Контракты.

— Контракты, — Шарапов усмехнулся, и это была улыбка человека, который уже всё решил и спрятал деньги в офшорах. — Ты, кстати, свой контракт вообще читал? Там пункт о форс-мажоре. Вылет в третий дивизион — это форс-мажор.

Считай, что клуб обанкротился. Теперь иди.

Виктор стоял. Он не мог уйти. Ноги приросли к полу. За спиной кто-то плакал в раздевалке. Молодые плакали. Старики молчали.

— Иди, Коваленко, — повторил Шарапов. — Иди... заливай свою обиду.

Он ушел.

В туалет. Потому что если нельзя ударить президента в лицо, можно хотя бы закрыться в кабинке и просто посидеть в тишине.

В кабинке пахло хлоркой и мочой. Виктор опустил крышку унитаза, сел и закурил. Первая сигарета за последние три месяца. Он бросил перед стартом сезона. Теперь можно.

Он смотрел на белый кафель, на котором кто-то маркером написал «Торпедо — чемпионы», и чувствовал, как что-то ломается внутри. С хрустом. Как позвонок.

Через полчаса он вышел.

Раздевалка опустела. Кто-то из парней оставил на скамейке свой бутсы — дешевые, китайские, потому что на немецкие уже два года не выделяли денег. Виктор поднял их, понюхал. Пахло травой. Пахло мальчишками, у которых больше нет команды. Он сунул бутсы в свой рюкзак и вышел на улицу.

Осень встретила его ветром.

Стадион «Торпедо» стоял темный и молчаливый. Только западная трибуна еще светилась — там убирались после мат-

ча. Виктор прошел мимо билетных касс. Мимо бюста какого-то старого советского футболиста, у которого откололся нос. Мимо ворот, где стояли охранники, которые знали его двадцать лет и сегодня не узнали.

— Виктор Сергеич, — сказал один, молодой, с румянцем на щеках. — Мне жаль.

Виктор кивнул.

Он шел по пустой улице. Город жил своей жизнью: гудели машины, светили витрины, пахло шаурмой и выхлопными газами. Виктор достал телефон.

Три пропущенных от тренера. Два от агента, которому на него теперь наплевать. Ни одного от Лиды.

Он позвонил сам.

Гудки. Долгие, тоскливые.

— Да, — голос Лиды был ровным и холодным, как та вода на подлокотнике.

— Лида, я... — начал Виктор, и горло сжалось.

— Виктор, я тебя ждала четыре года, — сказала она. — Четыре года, когда ты обещал уйти из этого клуба. Когда ты говорил: «Сезон, еще сезон, и я найду нормальную работу». Я сегодня смотрела на тебя. Ты не бил в тот угол. Ты бил в туда, где стоит вратарь. Ты знаешь, что бил туда. Ты хотел промахнуться?

Виктор молчал.

— Я устала ждать, Виктор. Мне тридцать шесть. У меня дочь-подросток, которая ненавидит весь мир, потому что у

нее отец — профессиональный неудачник. У меня работа в филармонии, где меня никто не воспринимает всерьез, потому что я «жена футболиста». Я устала.

— Лида, я...

— Я ухожу, — сказала она. — К Юре.

Юрий Соболев. Виктор знал этого человека. Владелец конезавода. Первая любовь Лиды, студенческая. Вернулся в город два года назад, разведенный, богатый. Приезжал на матчи, сидел в ложе, смотрел на Виктора. Никогда не улыбался. Смотрел, как на подопытного кролика.

— Не делай этого, — прошептал Виктор. — Лида, я тебя верну. Я...

— Ты меня вернешь? — голос Лиды дрогнул, и впервые в нем появилась боль. — Ты даже мяч не смог вернуть в ворота, Виктор. При чем тут я?

Короткие гудки.

Виктор стоял посреди улицы, сжимая телефон в руке, и мимо него проходили люди. Кто-то толкнул плечом, сказал: «Эй, мужик, очухайся».

Он очухался.

Пришел домой.

Трехкомнатная квартира в спальном районе. Серая панельная пятиэтажка. Лифт не работает. Он поднялся пешком, слушая, как тяжело и грузно гудят колени.

Квартира пахла пустотой.

Никаких вещей Лиды не было, но она забрала только са-

мое необходимое. Платья, косметика, книги. Книги она забрала все. Даже те, которые они покупали вместе в книжном на набережной десять лет назад, когда только поженились.

На столе лежала записка.

«Дарина уехала к подруге в Питер. Скажет, когда вернется. Ключи оставляю на тумбочке.

Прости».

Виктор сел на пол. Прямо в прихожей, в бутсах, которые пахли травой, в футболке, насквозь мокрой от пота.

Он смотрел на свои руки. Те самые руки, которые забивали голы, поднимали кубки, держали маленькую Дарину, когда она родилась.

Руки, которые промахнулись.

Он встал, прошел на кухню, открыл холодильник. Там стояла бутылка водки. Он не помнил, когда ее купил. Кажется, к прошлому Новому году.

Он отвинтил крышку.

Первый глоток обжег горло, и по щеке скатилась слеза.

Где-то на улице включили фары, и их свет прорезал темноту кухни, осветил пустую раковину, пустой стул, пустую жизнь.

Виктор поставил бутылку на стол и тихо, почти беззвучно, сказал:

— Я тебя верну.

В пустоте кухни эти слова прозвучали громче всякого пенальти.

ГЛАВА 2. ДОМ, В КОТОРОМ НЕТ ТЕПЛА

Октябрь. Квартира Коваленко. Дождливое воскресенье.
Октябрь выдался мокрым.

Три недели непрерывного дождя превратили город в зеркало. Серое небо отражалось в лужах, и казалось, что земля просто растворилась, ушла в никуда вместе с летом, вместе с надеждой, вместе со всем, что еще недавно имело значение.

Виктор сидел на кухне в майке и спортивных штанах, глядя на стекло окна. Капли ползли вниз, оставляя мокрые дорожки, и он провожал взглядом каждую, потому что больше нечем было занять глаза.

Перед ним на столе стояла бутылка.

Не та, первая. Та кончилась на третий день. Эта была третья по счету. Или четвертая. Он сбился со счета, когда перестал различать дни недели.

Зазвонил телефон. Виктор не поднял головы.

Телефон звонил долго, настойчиво, потом замолк. Через минуту пришло сообщение. Он не открыл. Все равно никто не напишет ничего, что имело бы значение. Тренер? Уволен. Агент? Уехал в Москву искать новых талантов. Партнеры? Расползлись кто куда, как мокрые крысы с тонущего корабля.

Друзья. Их не было.

Не те, кому можно позвонить в три часа ночи и сказать: «Я содохнуть хочу». Таких не было никогда. Был футбол, была команда, была жена и дочь. Теперь нет ничего.

В коридоре хлопнула дверь.

Виктор вздрогнул. Он не слышал, как открылась входная дверь. Значит, Лида была дома, в спальне. Или в комнате Дарины. Или в ванной. Он не знал. Он вообще перестал ориентироваться в собственной квартире, как на чужом поле.

На кухню вошла Лида.

Она была в бежевом пальто, мокрым от дождя, с каплями воды на плечах, похожими на рассыпанный жемчуг. Дорогие сапоги на шпильке, которые она купила прошлой весной, когда еще надеялась, что они поедут в отпуск на море. Они не поехали.

Лида поставила сумку на пол и посмотрела на мужа.

Долго.

Виктор поднял на нее глаза. Мутные, красные, с синими кругами. За три недели он похудел, скулы обострились, щетина поседела. Он стал похож на памятник самому себе — разрушенный, забытый, никому не нужный.

— Ты даже не спросил, где я была, — сказала Лида.

Голос ее был ровным. Слишком ровным, как у диктора, читающего новости о чужой трагедии.

Виктор хотел ответить, но язык не слушался. Он взял бутылку, налил себе стопку. Рука дрожала, и половина водки

пролилась на стол.

— Виктор, — сказала Лида. — Прекрати.

Он опрокинул стопку. Жидкость обожгла горло, но он почти не чувствовал вкуса. Только пустоту.

— Где была, — повторила она, и в голосе появилось раздражение. — Спроси.

— Где была? — послушно повторил Виктор. Голос прозвучал хрипло, как будто он не разговаривал несколько суток. Так оно и было.

— В филармонии, — сказала Лида. — Сегодня суббота. У меня концерт. Ты помнишь, что у меня есть работа? Или ты вообще ничего не помнишь?

Виктор смотрел на нее. Она была красивой. Той особенной, аристократичной красотой, которая не тускнеет от возраста, а становится глубже, как патина на старом серебре. Кто-то из знакомых говорил, что она похожа на актрису советского кино. И сейчас, стоя в мокром пальто посреди захламленной кухни, она выглядела как персонаж чужого фильма, который случайно попал в неправильную декорацию.

— Я помню, — тихо сказал Виктор. — У тебя сегодня... Вивальди.

Лида удивленно подняла бровь. Она не ожидала, что он запомнит. Он никогда не запоминал. Футбол — его жизнь, его память, его всё. Остальное — просто фон.

— Да, — сказала она. — Вивальди. «Времена года».

Осень.

Она говорила о концерте, но смотрела на стол — на пустые бутылки, на крошки хлеба, на пепел, который ссыпался с сигарет прямо на скатерть, на грязную посуду, которая стояла в раковине уже несколько дней.

— У тебя здесь... — она запнулась, подбирая слово, — ...свинарник.

Виктор усмехнулся. Коротко, горько.

— Свинарник, — повторил он. — Слышал я это слово. Когда мы только поженились, ты сказала: «Виктор, у тебя в квартире свинарник». А я тебе ответил: «Это не свинарник, это мужской беспорядок». Помнишь?

Лида молчала. Она помнила. Она помнила всё.

— Да, — сказала она тихо. — Я помню. Ты был молодой, красивый, весь город на тебя смотрел. Я думала: «Боже, какой мужчина. Он добьется всего. Он будет играть в сборной, мы купим квартиру в Москве, у нас будет большая семья». Знаешь, сколько мне лет, Виктор? Тридцать шесть. Я до сих пор жду ту квартиру в Москве.

— Лида, — сказал Виктор, и в голосе его впервые за три недели появилась боль. — Я не виноват, что...

— А кто виноват? — перебила она. — Я? Область? Судьба? Плохой газон? Кто?

Она подошла к столу, села напротив него. Запах дорогих духов смешался с запахом перегара и старого табака. Она поморщилась, но не отодвинулась.

— Я устала, — сказала она. — Ты слышишь меня? Я устала ждать чуда.

Виктор молчал. Он слышал. Каждое слово, каждый звук, каждый вздох.

— Ты знаешь, что сказала мне сегодня Зинаида Марковна? — продолжила Лида. — Она сказала: «Дочка, ты должна быть сильной. Ты должна его поддерживать. Мужчина без поддержки — что дерево без корней». А я ей ответила: «Мама, этот мужчина сам срубил свои корни. Я не могу поливать пень».

Виктор сжал кулак под столом. Кости хрустнули.

— Я не пень, — сказал он.

— А кто? — Лида посмотрела ему в глаза. — Кто ты? Ты был капитаном. Ты был лидером. Ты был человеком, за которым шли. А теперь ты сидишь на кухне и пьешь водку, а по телевизору показывают футбол, и ты даже не смотришь. Ты не смотришь, Виктор. Ты выключил футбол. Ты выключил себя.

Она встала, прошла к раковине, открыла кран. Вода зашумела, забила о грязную посуду.

— Я пришла за вещами, — сказала она, не оборачиваясь. — Я забираю книги. И зимние вещи.

Виктор почувствовал, как земля уходит из-под ног, хотя он сидел на стуле.

— Ты уходишь? — спросил он. Голос его дрогнул, как у мальчишки.

Лида повернулась. В ее глазах стояли слезы, но она не плакала. Она держала себя в руках, как артистка перед выходом на сцену.

— Я уже ушла, Виктор. Три недели назад. Ты просто не заметил.

Она вышла из кухни. Он слышал, как она ходит по квартире — шаги в спальне, скрип ящиков, звон вешалок в шкафу. Она собирала вещи. Спокойно, деловито, как будто собиралась в командировку на пару дней.

Виктор смотрел в окно. Дождь не прекращался. Он лил, лил, лил, как будто хотел затопить весь город, всю страну, всю его жизнь.

Он встал. Ноги дрожали. Он прошел в прихожую, где Лида уже ставила сумки. Две большие сумки, как в аэропорт. Туда поместилась вся их совместная жизнь.

— Лида, — сказал он. — Не уходи. Я прошу. Мы поговорим. Я завяжу. Я найду работу. Я... я что-нибудь придумаю.

Она остановилась. Посмотрела на него. В этом взгляде не было злости. Только усталость, такая огромная, что она заполняла всю прихожую, вытесняя кислород.

— Ты когда-нибудь придумывал что-то, Виктор? — спросила она. — За двадцать лет? Ты говорил: «Я придумаю». А что ты придумал?

Виктор открыл рот, но не нашелся с ответом.

— Я люблю тебя, — сказал он наконец. Слова были простыми и глупыми, как мяч, который он не забил.

Лида закрыла глаза. На секунду.

— Я тоже тебя любила, — ответила она. — Любила. Прошедшее время.

Она взяла сумки, перекинула через плечо.

— К Юре, — сказала она и посмотрела на него в упор. — Он позвал меня два года назад. Когда только вернулся. Я отказалась. Я сказала: «Виктор изменится, Виктор найдет себя, я не могу бросить мужа». А он сказал: «Я буду ждать». Понимаешь? Два года. Он ждал меня два года, пока ты ждал подачи с фланга. И знаешь, что он сделал? Он построил конюшню. Он купил лошадей. У него есть бизнес, деньги, планы. А что сделал ты?

— Я играл в футбол, — прошептал Виктор.

— Ты играл в футбол, — повторила Лида. — Ты — талантливый мальчик из бедной семьи, который так и не вырос. Прощай, Виктор.

Она открыла дверь.

В коридоре было холодно. Пахло мокрым асфальтом и чужими жизнями.

— Лида, — сказал он, и голос его сорвался. — Я тебя верну. Я тебя верну, слышишь?

Она обернулась. Последний раз. Посмотрела на него, стоящего в майке и спортивных штанах, худого, бледного, с поседевшей щетиной и остановившимся взглядом.

— Ты даже мяч не вернул, Виктор, — сказала она. — Ты не забил пенальти. Что ты мне вернешь?

Дверь закрылась.

Виктор остался стоять в прихожей. Слышно было, как за-
тихают шаги в подъезде. Как хлопает тяжелая входная дверь
на первом этаже. Как заводится машина. Как она уезжает.

Он оперся спиной о стену, прикрыл глаза.

В комнате за спиной что-то скрипнуло. Дарина.

Она стояла в дверях — дочь, восемнадцать лет, красные
волосы, собранные в небрежный пучок, черная футболка с
надписью «Rammstein», глаза — его, Виктора, серые, но сей-
час наполненные такой злостью, что он даже испугался.

— Ты, — сказала Дарина. — Ты знаешь, что ты сделал?

— Дарина, я...

— Ты просрал нашу семью, — сказала она. — Из-за тупо-
го мяча. Из-за твоей тупой гордости. Она тебя любила, папа.
Она ждала. А ты?

Виктор молчал.

— Знаешь, что я думаю? — продолжила Дарина. — Ты
хотел промахнуться. Ты просто хотел упасть на самое дно,
чтобы не надо было ничего делать. Чтобы никто ничего не
ждал. Ну, ты упал. Смотри, как тебе нравится.

Она шагнула к нему. Встала вплотную. Дочь была высо-
кой, почти с него ростом.

— Мама ушла к этому... жеребьячему магнату, — сказала
она с отвращением. — А я уезжаю. Завтра. На Север. С Се-
регой. Потому что здесь мне больше нечего делать. Ты меня
слышишь, папа? Нечего.

Виктор протянул руку, хотел коснуться ее плеча. Она отшатнулась.

— Не трогай меня, — сказала она тихо. — Ты все трогаешь, и у тебя все ломается. Мяч, семья, жизнь. Всё.

Она развернулась, ушла в свою комнату и захлопнула дверь.

Виктор слышал, как она рыдает за дверью. Слышал, как она кидает что-то в чемодан. Слышал, как мир рушится вокруг него.

Он пошел на кухню.

Бутылка была еще наполовину полна. Он взял ее, не глядя, поднес к губам.

Но не выпил.

Он смотрел на дождь за окном, на свою жизнь, разбитую вдребезги, и внутри него, там, где раньше была пустота, появилось что-то новое. Тонкое, острое. Боль.

Настоящая боль.

И по его щеке скатилась слеза. Первая за много лет. За десять? За двадцать?

Он не помнил, когда плакал в последний раз. Может, когда умер отец. Может, когда родилась Дарина. Он не помнил.

Но сейчас плакал.

В пустой квартире, под шум дождя и за стеной — рыдания дочери.

Он опустил бутылку на стол, закрыл лицо руками и завыв. Тихо, глухо, как зверь, который потерял свою стаю.

За окном дождь лил непрерывно, и казалось, что он никогда не закончится.

ГЛАВА 3. БЕЗ ГОЛА

Ноябрь. Завод «Гидромаш». Литейный цех.

Ноябрь ворвался в город как озверевший зверь. Он принес с собой не просто холод — он принес мокрую, колючую, липкую стужу, которая проникала сквозь одежду, сквозь кожу, сквозь самые мысли, превращая их в ледяную кашу.

Серое, низкое небо висело над промзоной, как ржавая крыша, готовая обрушиться в любую минуту. Дым из труб завода «Гидромаш» поднимался вверх неохотно, стелился по земле, смешиваясь с туманом, и воздух пах металлом, мазутом и безнадегой. Этот запах был здесь постоянным, как звук станков, как гул трансформаторов, как жизнь людей, которые приходили сюда каждый день и уходили, когда сменялись сумерки.

Виктор стоял у проходной завода, в старой куртке, которую нашел в шкафу, — она была на два размера меньше и трещала по швам. В руках он держал мятую бумажку с адресом. Кто-то из бывших партнеров, тот, кто еще не уехал в Москву, дал телефон человека, который дал телефон другого человека. Блат. Старый, заржавевший, но работающий.

Он зашел в проходную. Пахло кислыми носками и дешевым табаком. Охранник, старый мужик с красным носом и вечно сонными глазами, посмотрел на него с подозрением, но пропуск у Виктора был. Временный. На месяц.

— В цех пять, — сказал охранник, не глядя. — Литейка. Спросишь бригадира Петровича. Скажешь, от Феди.

Виктор кивнул и пошел по длинному коридору. Пол был бетонный, грязный, в масляных пятнах. Стены — обшарпанные, с выцветшими плакатами техники безопасности, на которых усатые мужики в касках показывали, как правильно поднимать тяжести. У одного из них отвалился угол плаката, и он висел, как старая кожа, содранная с живого.

Завод гудел. Ритмично, тяжело, как сердце больного гиганта. Где-то стучали молоты, где-то визжал металл, где-то кричали люди, и все эти звуки смешивались в единый гул, который давил на уши и вгонял в тоску.

Виктор вошел в цех.

Жар ударил в лицо — сухой, обжигающий, как дыхание печи. Он заставил его зажмуриться, на секунду потерять ориентацию. Когда он открыл глаза, то увидел ад.

Огромное пространство под высокой крышей, где воздух дрожал от температуры. По центру стояли две мартеновские печи, и от них исходило такое тепло, что даже на расстоянии пятидесяти метров начинал потеть лоб. Повсюду были ковши с расплавленным металлом, от которых поднимался ослепительный, бело-желтый свет — как маленькое солнце в руках потных, обожженных людей. Искры летели во все стороны, шипели, гасли на бетонном полу.

Здесь работали мужики. Грубые, сильные, с лицами, похожими на старую кожу, с руками в шрамах и ожогах. Они

не смотрели на Виктора. Им было некогда.

Виктор нашел Петровича. Бригадир оказался кряжистым мужиком лет шестидесяти, с седым ежиком и глазами навывкате. Он окинул Виктора взглядом, хмыкнул.

— Футболист, что ли? — спросил он. Голос у него был хриплый, прокуренный, как весь этот цех. — Я таких не люблю. Ты здесь не на поле. Здесь каски надевают. И работать надо, а не мяч пинать.

Виктор молчал. Он не мог говорить. Горло пересохло от жара.

— Ладно, — сказал Петрович. — Федя просил. Будешь формы носить. Ковши чистые, готовые. Слышал? Принесешь, поставишь туда, где скажут. И без выдумок.

Виктор кивнул.

Первый день был кошмаром. Он носил тяжелые, раскаленные формы, которые прожигали рукавицы насквозь. От веса металла у него хрустели колени, те самые колени, которые бегали по полю двадцать лет. Он задыхался от жара, пот заливал глаза, соль разъедала кожу. В середине смены он остановился, оперся на ковш, чтобы перевести дух.

— Эй, новенький! — крикнул кто-то. — Сдохнешь? Не сдохни, у нас очередь.

И мужики засмеялись.

К концу смены Виктор падал с ног. Он сидел на бетонном полу возле печи, и руки его дрожали так, что он не мог снять перчатки. Подошел Петрович, бросил ему флягу.

— На, — сказал он. — Грейся.

Виктор отпил. Водка. Дешевая, паленая, с горелым прикусом. Но она разлилась по телу огнем, и на секунду стало легче.

— Привыкай, — сказал Петрович. — Здесь все пьют. Не чтобы нажраться, а чтобы дышать. Тут воздух сжигает легкие, если не заправиться.

Виктор отдал флягу. Встал. Пошел к выходу. Ноги не слушались, но он шел.

Дни превратились в недели. Каждое утро — одно и то же: прийти, надеть спецовку, взять ковш, идти в жар, работать, падать, вставать. Он почти не думал. Когда человек работает в аду, у него нет времени на мысли. Только руки, ноги, глаза.

Мужики в цехе его приняли. Не как своего, но как рабочую единицу. Им было плевать, что он когда-то забивал голы, что на него смотрели с экранов телевизоров, что он был капитаном. Здесь он был просто «Коваль». Новенький, который быстро учится и помалкивает.

Они научили его пить «для сугреву». Водку пили прямо в цехе, заткнувшись за печь, чтобы начальство не видело. Пили, когда замерзали, когда уставали, когда руки уже не держали формы. Пили, чтобы снять боль.

И Виктор пил.

Сначала по глотку. Потом по стакану. Потом он уже не различал, где работа, а где опьянение. Они сплелись в одно липкое, душное, бесконечное существование, в котором не

было ни будущего, ни прошлого — только настоящее, полное жара и искр.

Однажды, где-то в середине ноября, Виктор тащил пустой ковш. Он был пьян, но это был его обычный рабочий фон — легкое, оглушающее тепло, которое делало боль терпимой. Он споткнулся о неровный пол, ковш выпал из рук и покатился по бетону. Кто-то закричал. Но было поздно.

Ковш врезался в работающую печь. От удара брызнул расплавленный металл. Горячие капли полетели в стороны, и одна из них, маленькая, но смертельная, попала на штанину Виктора.

Штанина задымилась. Он не сразу понял, что горит. Только когда мужики схватили его, повалили на пол и начали сбивать пламя песком. Он чувствовал запах паленой кожи, горелых волос, и только потом — боль.

Жгучую, адскую боль.

В медпункте ему перевязали ногу. Ожог был сильный, но не смертельный. Петрович стоял над ним, молчал, курил. Потом сказал:

— Ты, Коваль, наверное, пьешь с утра, да?

Виктор молчал.

— Я же говорил, — сказал Петрович, выдыхая дым. — Не надо было тебя брать. Ты доигрался. Ты сегодня не работаешь. И завтра не работаешь. И послезавтра.

— Мне нужна работа, — прошептал Виктор.

Петрович усмехнулся.

— Я не могу рисковать людьми, Коваль. Ты себя не ценишь, я понимаю. Но я ценю бригаду. У нас тут каждый — кормилец. А ты — бомж пьяный. Уходи.

Виктор встал, прихрамывая. Нога болела. Он прошел через весь цех, слыша, как мужики замолкают, глядя на него. Кто-то отвернулся. Кто-то покачал головой.

Он вышел на улицу.

Ноябрь встретил его ледяным ветром и морозящим дождем. Завод «Гидромаш» гудел за спиной, выплевывая в небо серый дым и безнадегу.

Виктор стоял под дождем, смотрел на свои руки — обожженные, в волдырях, грязные. Те руки, которые когда-то забивали голы. Теперь они ничего не могли. Даже держать ковш.

Он опустился на мокрый асфальт, прямо у проходной, не замечая, что его нога подгибается, что вода заливает ожог, что люди обходят его стороной.

Смотрел в серое небо.

И не плакал.

Слез больше не осталось. Только пустота. Бездонная, черная, как расплавленный металл, который он носил в этих ковшах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.